

Семён Яковлевич Надсон

(1862 - 1887)

Иуда

I

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый
Христос моленья воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Сверкал в чертах его лица,
И он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца.
Вокруг креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,
Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.
Что сделал Он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,
И кто дерзнул безумно руку
На Бога своего поднять?
Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал -
И мир Его невинной кровью
Себя навеки запятнал!..
Свершилось!..

II

Полночь голубая
Горела кротко над землей;
В лазури ласково сияя,
Поднялся месяц золотой.
Он то задумчивым мерцаньем
За дымкой облака сверкал,
То снова трепетным сияньем
Голгофу ярко озарял.
Внизу, окутанный туманом,
Виднелся город с высоты.
Над ним, подобно великанам,
Чернели грозные кресты.
На двух из них еще висели
Казненные; лучи луны
В их лица бледные глядели
С своей безбрежной вышины.

Но третий крест был пуст. Друзьями
Христос был снят и погребен,
И их прощальными слезами
Гранит надгробный орошен.

III

Чье затаенное рыданье
Звучит у среднего креста?
Кто этот человек? Страданье
Горит в чертах его лица.
Быть может, с жаждой исцеленья
Он из далеких стран спешил,
Чтоб Иисус его мученья
Всесильным словом облегчил?
Уж он готовился с мольбою
Упасть к ногам Христа - и вот
Вдруг отовсюду узнает,
Что Тот, Кого народ толпою
Недавно как царя встречал,
Что Тот, Кто свет зажег над миром,
Кто не кадил земным кумирам
И зло открыто обличал,-
Погиб, забросанный презреньем,
Измятый пыткой и мученьем!..
Быть может, тайный ученик,
Склонясь усталой головою,
К кресту Учителя приник
С тоской и страстною мольбою?
Быть может, грешник непрощенный
Сюда, измученный, спешил,
И здесь, коленопреклоненный,
Свое раскаянье излил?-
Нет, то Иуда!.. Не с мольбой
Пришел он - он не смел молиться
Своей порочною душой;
Не с телом Господа проститься
Хотел он - он и сам не знал,
Зачем и как сюда попал.

IV

Когда на муку обреченный,
Толпой народа окруженный
На место казни шел Христос
И крест, изнемогая, нес,
Иуда, притаившись, видел
Его страданья и сознал,
Кого безумно ненавидел,
Чью жизнь на деньги променял.
Он понял, что ему прощенья
Нет в беспристрастных небесах,-

И страх, бессильный рабский страх,
Угрюмый спутник преступления,
Вселился в грудь его. Всю ночь
В его больном воображеньи
Вставал Христос. Напрасно прочь
Он гнал докучное виденье;
Напрасно думал он уснуть,
Чтоб всё забыть и отдохнуть
Под кровом молчаливой ночи:
Пред ним, едва сомкнет он очи,
Всё тот же призрак роковой
Встает во мраке, как живой!-

V

Вот Он, истерзанный мученьем,
Апостол истины святой,
Измятый пыткой и презреньем,
Распятый буйною толпой;
Бог, осужденный приговором
Слепых, подкупленных судей!
Вот Он!.. Горит немим укором
Небесный взор Его очей.
Венец любви, венец терновый
Чело Спасителя язвит,
И, мнится, приговор суровый
В устах разгневанных звучит...
«Прочь, непорочное виденье,
Уйди, не мучь больную грудь!..
Дай хоть на час, хоть на мгновенье
Не жить... не помнить... отдохнуть...
Смотри: предатель Твой рыдает
У ног Твоих... О, пощади!
Твой взор мне душу разрывает...
Уйди... исчезни... не гляди!..
Ты видишь: я готов слезами
Мой поцелуй коварный смыть...
О, дай минувшее забыть,
Дай душу облегчить мольбами...
Ты Бог... Ты можешь всё простить!
.....
А я? я знал ли сожаленье?
Мне нет пощады, нет прощенья!»

VI

Куда уйти от черных дум?
Куда бежать от наказанья?
Устала грудь, истерзан ум,
В душе - мятежные страданья.
Безмолвно в тишине ночной,
Как изваянье, без движенья,

Всё тот же призрак роковой
Стоит залогом осужденья...
И здесь, вокруг, горя луной,
Дыша весенним обаяньем,
Ночь разметалась над землей
Своим задумчивым сияньем.
И спит серебряный Кедрон,
В туман прозрачный погружен...

VII

Беги, предатель, от людей
И знай: нигде душе твоей
Ты не найдешь успокоенья:
Где б ни был ты, везде с тобой
Пойдет твой призрак роковой
Залогом мук и осужденья.
Беги от этого креста,
Не оскверняй его лобзаньем:
Он свят, он освящен страданьем
На нем распятого Христа!

.....
И он бежал!..

.....

VIII

Полнебосклона

Заря пожаром обняла
И горы дальнего Кедрона
Волнами блеска залила.
Проснулось солнце за холмами
В венце сверкающих лучей.
Всё ожило... шумит ветвями
Лес, гордый великан полей,
И в глубине его струями
Гремит серебряный ручей...
В лесу, где вечно мгла царит,
Куда заря не проникает,
Качаясь, мрачный труп висит;
Над ним безмолвно расстилает
Осина свой покров живой
И изумрудною листвою
Его, как друга, обнимает.
Погиб Иуда... Он не снес
Огня глухих своих страданий,
Погиб без примиренных слез,
Без сожалений и желаний.
Но до последнего мгновенья
Все тот же призрак роковой
Живым упреком преступленья
Пред ним вставал во тьме ночной.

Всё тот же приговор суровый,
Казалось, с уст Его звучал,
И на челе венец терновый,
Венец страдания лежал!

Христианка

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.
Пушкин, «Руслан и Людмила»*

I

Спит гордый Рим, одетый мглою,
В тени разросшихся садов;
Полны глубокой тишиною
Ряды немых его дворцов;
Весенней полночи молчанье
Царит на сонных площадях;
Луны капризное сиянье
В речных колеблется струях.
И Тибр, блестящей полосой
Катясь меж темных берегов,
Шумит задумчивой струею
Вдаль убегающих валов.
В руках распятие сжимая,
В седых стенах тюрьмы сырой
Спит христианка молодая,
На грудь склонившись головой.
Бесплодны были все старанья
Ее суровых палачей:
Ни обещанья, ни страданья
Не сокрушили веры в ней.
Бесчеловечною душою
Судьи на смерть осуждена,
Назавтра пред иным Судьею
Предстанет в небесах она.
И вот, полна святым желаньем
Всё в жертву небу принести,
Она идет к концу страданья,
К концу тернистого пути...

И снятся ей поля родные,
Шатры лимонов и дубов,
Реки изгибы голубые
И юных лет уютный кров;
И прежних мирных наслаждений
Она переживает дни,-
Но ни тревог, ни сожалений
Не пробуждают в ней они.
На все земное без участия
Она привыкла уж смотреть;

Не нужно ей земного счастья, -
Ей в жизни нечего жалеть:
Полна небесных упований,
Она, без жалости и слез,
Разбила рой земных желаний
И юный мир роскошных грез, -
И на алтарь Христа и Бога
Она готова принести
Всё, чем красна ее дорога,
Что ей светило на пути.

II

Поднявшись гордо над рекою,
Дворец Нерона мирно спит;
Вокруг зеленою семьею
Ряд стройных тополей стоит;
В душистом мраке утопая,
Спокойной негой дышит сад;
В его тени, струей сверкая,
Ключи студёные журчат.
Вдали зубчатой полосой
Уходят горы в небеса,
И, как плащом, одеты мглою
Стоят священные леса.

Всё спит. Один Альбин угрюмый
Сидит в раздумье у окна...
Тяжелой, безотрадной думой
Его душа возмущена.
Враг христиан, патриций славный,
В боях испытанный герой,
Под игом страсти своенравной,
Как раб, поник он головой.
Вдали толпы, пиров и шума,
Под кровом полночи немой,
Всё так же пламенная дума
Сжимает грудь его тоской.
Мечта нескромная смущает
Его блаженством неземным,
Воображенье вызывает
Картины страстные пред ним.
И в полумгле весенней ночи
Он видит образ дорогой,
Черты любимые и очи,
Надежды полные святой.

III

С тех пор, как дева молодая
К нему на суд приведена,
Проснулась грудь его немая

От долгой тьмы глухого сна.
Разврат дворца в душе на время
Стремленья чистые убил,
Но свет любви порока бремя
Мечом карающим разбил;
И, казнь Марии изрекая,
Дворца и Рима гордый сын,
Он сам, того не сознавая,
Уж был в душе христианин.
И речи узницы прекрасной
С вниманьем жадным он ловил,
И свет великий веры ясной
Глубоко корни в нем пустил.
Любовь и вера победили
В нем заблужденья прежних дней
И душу гордую смутили
Высокой прелестью своей.

IV

Заря блестящими лучами
Зажглась на небе голубом,
И свет огнистыми волнами
Блеснул причудливо кругом.
За ним, венцом лучей сияя,
Проснулось солнце за рекой
И, светлым диском выплывая,
Сверкает гордо над землей...
Проснулся Рим. Народ толпами
В амфитеатр, шумя, спешит,
И черни пестрыми волнами
Цирк, полный доверху, кипит;
И в ложе, убранной богато,
В пурпурной мантии своей,
Залитый в серебро и золото,
Сидит Нерон в кругу друзей.
Подавлен безотрадной думой,
Альбин, патриций молодой,
Как ночь, прекрасный и угрюмый,
Меж них сияет красотой.

Толпа шумит нетерпеливо
На отведенных ей местах,
Но - подан знак, и дверь визгливо
На ржавых подалась петлях,-
И, на арену выступая,
Тигрица вышла молодая...
Вослед за ней походкой смелой
Вошла, с распятием в руках,
Страдалица в одежде белой,
С спокойной твердостью в очах.
И вмиг всеобщее движение

Сменилось мертвой тишиной,
Как дань немого восхищенья
Пред неземною красотой.
Альбин, поникнув головою,
Весь бледный, словно тень, стоял...

.....

.....

И вдруг пред стихнувшей толпою
Волшебный голос зазвучал:

V

«В последний раз я открываю
Мои дрожащие уста:
Прости, о Рим, я умираю
За веру в моего Христа!
И в эти смертные мгновенья,
Моим прощая палачам,
За них последние моленья
Несу я к горним небесам:
Да не осудит их Спаситель
За кровь пролитую мою,
Пусть примет их святой Учитель
В свою великую семью!
Пусть светоч чистого ученья
В сердцах холодных он зажжет
И рай любви и примиренья
В их жизнь мятежную прольет!..»

Она замолкла, - и молчанье
У всех царило на устах;
Казалось, будто состраданье
В их черствых вспыхнуло сердцах...

.....

Вдруг на арене, пред толпою,
С огнем в очах предстал Альбин
И молвил: - «Я умру с тобою...
О Рим, - и я христианин...»

Цирк вздрогнул, зашумел, очнулся,
Как лес осеннею грозой, -
И зверь испуганно метнулся,
Прижавшись к двери роковой...

Вот он крадется, выступая,
Ползет неслышно, как змея...
Скачок... и, землю обагрив,
Блеснула алая струя...

Святыню смерти и страданий
Рим зверским смехом оскорбил,
И дикий гром рукоплесканий

Мольбу последнюю покрыл.

Глубокой древности сказанье
Прошло седые времена,
И беспристрастное преданье
Хранит святые имена.
Простой народ тепло и свято
Сумел в преданьи сохранить,
Как люди в старину, когда-то,
Умели верить и любить!..

* * *

Христос!.. Где Ты, Христос, сияющий лучами
Бессмертной истины, свободы и любви?..
Взгляни, - Твой храм опять поруган торгашами,
И меч, что Ты принес, запятнан весь руками,
Повинными в страдальческой крови!..

Взгляни, кто учит мир тому, чему когда-то
И Ты учил его под тяжестью креста!
Как ярко их клеймо порока и разврата,
Какие лживые за страждущего брата,
Какие гнойные открылись уста!..

О, если б только зло!.. Но рваться всей душою
Рассеять это зло, трудиться для людей, -
И горько сознавать, что об руку с Тобою
Кричит об истине, ломаясь пред толпою,
Прикрытый маскою, продажный фарисей!..

1880

* * *

Случалось ли тебе бессонными ночами,
Когда вокруг тебя всё смолкнет и заснёт,
И бледный серп луны холодными лучами
Твой мирный уголок таинственно зальёт,

И только ты в тиши томишься одиноко,
Ты да усталая больная мысль твоя,
Случалось ли тебе задуматься глубоко
Над неразгаданным вопросом бытия?

Зачем ты призван в мир? К чему твои страданья,
Любовь и ненависть, сомненья и мечты,
В безгрешно-правильной машине мирозданья
И в подавляющей огромности толпы?..

1880

* * *

Я не Тому молюсь, кого едва дерзает
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,
И перед Кем мой ум бессильно замолкает,
В безумной гордости постичь его стремясь;
Я не Тому молюсь, пред Чьими алтарями
Народ, простертый ниц, в смирении лежит,
И льется фимиам душистыми волнами,
И зыблются огни, и пение звучит;
Я не Тому молюсь, Кто окружен толпами
Священным трепетом исполненных духов,
И чей незримый трон за яркими звездами
Царит над безднами разбросанных миров,-
Нет, перед Ним я нем!.. Глубокое сознание
Моей ничтожности смыкает мне уста,-
Меня влечет к себе иное обаяние -
Не власти царственной, - но пытки и креста.
Мой Бог - Бог страждущих, Бог, обагрённый кровью,
Бог-человек и брат с небесною душой,-
И пред страданием и чистою любовью
Склоняюсь я с моей горячею мольбой!..

1880

* * *

Я чувствую и силы и стремление
Служить другим, бороться и любить;
На их алтарь несу я вдохновение,
Чтоб в трудный час их песней ободрить.
Но кто поймёт, что не пустые звуки
Звонят в стихе неопытном моём,
Что каждый стих - дитя глубокой муки,
Рождённое в раздумье роковом;
Что каждый миг «святого вдохновения»
Мне стоил слёз, невидных для людей,
Немой тоски, тревожного сомненья
И скорбных дум в безмолвии ночей?!

1878

Желание

О, если там, за тайной гроба,
Есть мир прекрасный и святой,
Где спит завистливая злоба,
Где вечно царствует покой,
Где ум не возмутят сомненья,
Где не изнает грудь в борьбе, -
Творец, услышь мои моленья
И призови меня к Себе!

Мне душен этот мир разврата
С его блестящей мишурой!
Здесь брат рыдающего брата
Готов убить своей рукой,
Здесь спят высокие порывы
Свободы, правды и любви,
Здесь ненасытный бог наживы
Свои воздвигнул алтари.

Душа полна иных стремлений,
Она любви и мира ждёт...
Борьба и тайный яд сомнений
Её терзает и гнетет.
Она напрасно молит света
С немой и жгучею тоской,
Глухая полночь без рассвета
Царит всеильно над землёй.

Твоё высокое ученье
Не понял мир... Он осмеял
Святую заповедь прощенья,
Забыв Твой светлый идеал,
Он стал служить кумирам века;
Отвергнув свет, стал жить во мгле,
И с той поры для человека
Уж нет святыни на земле.

В крови и мраке утопая,
Ничтожный сын толпы людской
На дверь утраченного рая
Глядит с насмешкой и хулой;
И тех, кого зовут стремленья
К святой, духовной красоте, -
Клеймит печатью отверженья
И распинает на кресте.

7 июня 1879

* * *

Есть страданья ужасней, чем пытка сама, -
Это муки бессонных ночей,
Муки сильных, но тщетных порывов ума
На свободу из тяжких цепей.
Страшны эти минуты душевной грозы:
Мысль немеет от долгой борьбы, -
А в груди ни одной примирённой слезы,
Ни одной благодатной мольбы!..
Тайна, вечная, грозная тайна томит
Утомлённый работою ум,
И мучительной пыткой душу щемит

Вся ничтожность догадок и дум...
Рад бежать бы от них, - но куда убежать?
О, они не дадут отдохнуть
И неслышно закрадутся в душу, как тать,
И налягут кошмаром на грудь;
Где б ты ни был - они не оставят тебя
И иссушат бесплодной тоской,
Если ты как-нибудь не обманешь себя
Или разом не кончишь с собой!..

1880

* * *

Не говорите мне: «Он умер». Он живёт!
Пусть жертвенник разбит - огонь ещё пылает,
Пусть роза сорвана - она ещё цветёт,
Пусть арфа сломана - аккорд ещё рыдает!..

1886

* * *

Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде?
Святое Евангелие

Томясь и страдая во мраке ненастья,
Горячее, чуткое сердце твое
Стремится к блаженству всемирного счастья
И видит в нем личное счастье свое.
Но, друг мой, напрасны святые порывы:
На жизненной сцене, залитой в крови.
Довольно простора для рынка наживы
И тесно для светлого храма любви!..

Но если и вправду замолкнут проклятья,
Но если и вправду погибнет Ваал,
И люди друг друга обнимут как братья,
И с неба на землю сойдет идеал, -
Скажи: в обновленном и радостном мире
Ты, свыкшийся с чистою скорбью своей,
Ты будешь ли счастлив на жизненном пире,
Мечтавший о счастье печальник людей?

Ведь сердце твое, - это сердце больное,
Заглохнет без горя, как нива без гроз:
Оно не отдаст за блаженство покоя
Креста благодатных страданий и слез.
Что ж, если оно затоскует о доле
Борца и пророка заветных идей,
Как узник, успевший привыкнуть к неволе,
Тоскует о мрачной темнице своей?

1880

* * *

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей.
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь.
Верь, настанет пора - и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!

Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбенных плечах, -
В мир придет она в силе и славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.
И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни бескрестных могил, ни рабов,
Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов.

О, мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
Оглянись, - зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!
Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой, -
И поднимет к любви, к беззаветной любви,
Очи, полные скорбной мольбой!

1881

Из дневника

Я долго счастья ждал - и луч его желанный
Блеснул мне в сумерках: я счастлив и любим;
К чему ж на рубеже земли обетованной
Остановился я, как робкий пилигрим?
За мной - глухая ночь и годы испытаний,
Передо мной - весна, и ласки и привет,
А я... мне точно жаль умчавшихся страданий,
И с грустью я смотрю минувшему вослед...

Не называй меня безумным, дорогая,
Не говори, что я солгал перед тобой;
Нет, я люблю тебя, как мальчик, отдавая
Всю душу, все мечты, всю жизнь - тебе одной.
Но отголоски гроз недавнего ненастья,
Как голос совести, твердит душе моей:
«Есть дни, когда так пошел венок любви и счастья
И так прекрасен терн страданий за людей!»

1883

* * *

Верь в великую силу любви!..
Свято верь в её крест побеждающий,
В её свет, лучезарно спасающий
Мир, погрязший в грязи и крови...
Верь в великую силу любви!..

1884

Полдороги

Путь суров... Раскаленное солнце палит
Раскаленные камни дороги;
О горячий песок и об острый гранит
Ты изранил усталые ноги;
Истрадалась, измучилась смелая грудь,
Истомилась и жаждой и зноем,
Но не думай с тяжелой дороги свернуть
И забыться позорным покоем!

Дальше, путник, все дальше - вперед и вперед!
Отдых после, - он там, пред тобою...
Пусть под тень тебя тихая роща зовет,
Наклонившись над тихой рекою;
Пусть весна разостлала в ней мягкий ковер
И сплела из ветвей изумрудный шатер,
И царит в ней, любя и лаская, -
Дальше, дальше и дальше, под зноем лучей,
Раскаленной, безвестной дорогой своей,
Мимолетный соблазн презирая!

Страшен сон этой рощи, глубок в ней покой:
Он так вкрадчив, так сладко ласкает,
Что душа, утомленная скорбью больной,
Раз уснув, навсегда засыпает.
В этой чаще душистой дриада живет.
Чуть склонишься на мох ты, - с любовью
Чаровница лесная неслышно прильнет
В полумгле к твоему изголовью...

И услышишь ты голос: «Усни, отдохни!..
Прочь мятежные призраки горя!
Позабудься в моей благовонной тени,
В тихом лоне зеленого моря!..
Долог путь твой, - суровый, нерадостный путь...
О, к чему обрывать эту юную грудь
На борьбу, на тоску и мученья?!
Друг мой! Вверься душистому бархату мха:

Эта роща вокруг так свежа и тиха,
В ней так сладки минуты забвенья!..»

Ты, я знаю, силен: ты бесстрашно сносил
И борьбу, и грозу, и тревоги, -
Но сильнее открытых, разгневанных сил
Этот тайный соблазн полдороги...
Дальше ж, путник!.. Поверь, лишь ослабит тебя
Миг отрады, миг грез и покоя -
И продал ты все то, что уж сделал любя,
За позорное счастье застоя!..

1880 - 1881

* * *

Темно грядущее... Пытливый ум людской
Пред тайною его бессильно замирает:
Кто скажет - день ли там мерцает золотой
Иль новая гроза зарницами играет?

.....

Напрасно человек в смятенье и тоске
Грядущие века пылливо вопрошает.
Кто понял этот свет, блеснувший вдалеке, -
Заря ли там зажглась, зарница ли мерцает?

1882

* * *

Я плакал тяжкими слезами,-
Слезами грусти и любви,-
Да осияет свет лучами
Мир, утопающий в крови.
И свет блеснул передо мною,
И лучезарен, и могуч,-
Но не надеждой, а борьбою
Горел его кровавый луч;
То не был кроткий отблеск рая,-
Нет, в душном сумраке ночном
Зажглась зарница роковая
Грозы, собравшейся кругом....

1881

* * *

Откуда вы, старинные друзья,
Святые слёзы упования?
Как жадно вас ждала душа моя
В года сомненья и страданья!

1881

* * *

Неужели всю жизнь суждено мне прожить,
Отдаваясь другим без завета,
Без конца, всем безумством любви их любить
И не встретить ответа?..

1882

Легенда о ёлке

Весь вечер нарядная елка сияла
Десятками ярких свечей,
Весь вечер, шумя и смеясь, ликовала
Толпа беззаботных детей.
И дети устали... потушены свечи,—
Но жарче камин раскален;
[Загадки и хохот] веселые речи
Со всех раздаются сторон.
И дядя тут тоже: над всеми смеется
И всех до упаду смешит;
Откуда в нем только веселье берется,—
Серьезен и строг он на вид:
Очки, борода серебристо-седая,
В глубоких морщинах чело,—
И только глаза его, словно лаская,
Горят добродушно-светло...
«Постойте,— сказал он, и стихло в гостиной...—
Скажите, кто знает из вас,—
Откуда ведется обычай старинный
Рождественских елок у нас?
Никто?.. Так сидите же смирно и чинно,—
Я сам расскажу вам сейчас...

Есть страны, где люди от века не знают
Ни вьюг, ни сыпучих снегов;
Там только нетающим снегом сверкают
Вершины гранитных хребтов...
Цветы там душистее, звезды — крупнее.
Светлей и нарядней весна,
И ярче там перья у птиц, и теплее
там дышит морская волна...
В такой-то стране ароматною ночью,
При шепоте лавров и роз,
Свершилось желанное чудо воочью:
Родился Младенец-Христос;
Родился в убогой пещере,— чтоб знали...»

1882

* * *

О, если там, за тайной гроба,
Есть мир прекрасный и святой,
Где спит завистливая злоба,
Где вечно царствует покой,
Где ум не возмутят сомненья,
Где не изнает грудь в борьбе, -
Творец, услышь мои моленья
И призови меня к Себе!

Мне душен этот мир разврата
С его блестящей мишурой!
Здесь брат рыдающего брата
Готов убить своей рукой;
Здесь спят высокие порывы
Свободы, правды и любви,
Здесь ненасытный бог наживы
Свои воздвигнул алтари.

Душа полна иных стремлений, -
Она любви и мира ждёт,
Борьба и тайный яд сомнений
Её терзает и гнетёт.
Она напрасно молит света
С немой и жгучею тоской,
Глухая полночь без рассвета
Царит всеильно над землей.

В крови и мраке утопая,
Ничтожный сын толпы людской
На дверь утраченного рая
Глядит с насмешкой и хулой.
И тех, кого зовут стремленья
К святой, духовной красоте, -
Клеймит печатью отверженья
И распинает на кресте.

1878